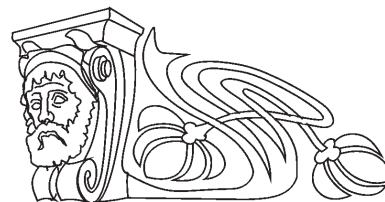

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Шмелев

Образ «живой земли» в главе «Троицын день» романа И. С. Шмелева «Лето Господне»

Е. Ю. Шестакова

Гуманитарный институт филиала САФУ в г. Северодвинске, Россия, 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, shestackova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Аннотация. В статье раскрываются особенности художественного воплощения образа «живой земли» в главе «Троицын день» романа «Лето Господне» писателя русского зарубежья первой половины XX в. Ивана Сергеевича Шмелева. «Лето Господне» является вершинным произведением в его творчестве. Книга основана на автобиографическом материале. В главе «Троицын день» автор отразил собственные детские воспоминания о встрече православного праздника Троицы. В богатой картине русской летней природы, показанной в главе «Троицын день» и наполненной особой ценностно-содержательной семантикой, ведущим становится образ благословенной «живой земли», соотносенный с образом России. Художественный прием цветописы является ведущим в раскрытии образно-мотивного текстового ряда, обретающего символическое значение. Мотив «оживления» земного мира в день святого праздника выявляет связь христианских представлений о Боге как живоносном начале, источнике настоящей жизни. Важное символично-духовное значение в повествовательной структуре главы «Троицын день» получают образы берез, мотивы света, блеска, благоухания, одухотворения земли. Образ «живой земли» в тексте романа «Лето Господне» обретает универсальное, всеобъемлющее значение, включает в себя образы не только природы, но и домашнего пространства, окружающего главного героя произведения – семилетнего Ваню, а также образы храма, Москвы, Кремля. Основной идеей главы романа становится вера в присутствие Господа Иисуса Христа в день Троицы в земном мире для его благословения. Ностальгическая интонация взрослого повествователя, звучащая в главе «Троицын день», вводит в текст идею сакрализации образа России. Ушедшее детство и Родина, навсегда утраченная в страшных исторических катаклизмах, обретают сакральный характер, предстают в авторском осмыслении благословенным миром Святой Руси. Россия детства оказывается включена в единый круг христианской Вечности и бытийного существования.

Ключевые слова: образ «живой земли», глава, роман «Лето Господне», И. С. Шмелев, литература русского зарубежья, образ природы, мотив света

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. Образ «живой земли» в главе «Троицын день» романа И. С. Шмелева «Лето Господне» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 387–391. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-387-391>, EDN: CCKVJS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the “living earth” in the chapter “The Trinity Day” of the novel by I. S. Shmelev *The Summer of the Lord*

E. Yu. Shestakova

Humanitarian Institute of the SAFU branch in Severodvinsk, 6 Kapitana Voronina St., Severodvinsk 164500, Russia

Elena Yu. Shestakova, shestackova.lena2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5764-0576>

Abstract. This article reveals the features of the artistic embodiment of the image of the “living earth” in the chapter “The Trinity Day” of the novel *The Summer of the Lord* by the writer of the Russian émigré of the first half of the 20th century Ivan Sergeevich Shmelev. *The Summer of the Lord* is the pinnacle work in the author’s oeuvre. The book is based on the autobiographical material. In the chapter “The Trinity Day” the author depicted his own childhood memories of celebrating the Orthodox holiday of the Trinity. In the picture of the lush Russian summer nature shown in the chapter “The Trinity Day” and filled with special value and meaning semantics, the image of the blessed “living earth”, correlated with the image of Russia, becomes the leading one. The artistic technique of color painting dominates in revealing the figurative and motif text range, which acquires a symbolic meaning. The motif of the “revival” of the earthly world on the day of the holy celebration reveals the connection of Christian ideas about God as a life-giving principle, the source of real life. Images of birches, motifs of light, brilliance, fragrance, and spiritualization of the earth receive the important symbolic and spiritual significance in the narrative structure of the chapter “The Trinity Day”. The image of the “living earth” in the text of the novel *The Summer of the Lord* acquires a universal, comprehensive meaning, includes not only images of nature, but also the home space surrounding the main character of the work – a seven-year-old Vanya, as well as images of the temple, Moscow, the Kremlin.

The main idea of this chapter of the novel is the belief in the direct descent of the Lord Jesus Christ on the day of Trinity onto the earthly world in order to bless it. The nostalgic intonation of the adult narrator sounding in the chapter "The Trinity Day", introduces in the text the idea of making the image of Russia sacred. The bygone childhood and Homeland, forever lost in terrible historical cataclysms, acquire a sacred character, appear in the author's understanding as the blessed world of Holy Russia. The Russia of his childhood turns out to be included in the single circle of Christian Eternity and existential being.

Keywords: image of the "living earth", chapter, novel *The Summer of the Lord*, I. S. Shmelev, literature of the Russian émigré, image of nature, motif of light

For citation: Shestakova E. Yu. The image of the "living earth" in the chapter "The Trinity Day" of the novel by I. S. Shmelev *The Summer of the Lord*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 387–391 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-4-387-391>, EDN: CCKVJS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Поэтической интерпретацией темы православного праздника Троицы стала глава «Троицын день» романа «Лето Господне» писателя русского зарубежья И. С. Шмелева (1873–1950). Ведущим в главе стал образ «живой земли», соотнесенный с образом благословенного земного мира. В святой день Троицы «прошел по земле Господь и благословил все <...> всю землю благословил» [1, с. 88]. По мысли М. М. Дунаева, И. С. Шмелев в своем романе «стремился заглянуть глубже, соединив искомый смысл и красоту с православной духовностью» [2, с. 796].

Образ благословенной «живой земли» выступает доминирующим, преобладающим в главе «Троицын день». В свою очередь, он формирует связь других художественных образов, воссоздающих богатую картину русской летней природы: березы, яблони, цветы, травы, сад, сирень, орешник, птицы, небо, солнце, дождь, радуга. Отметим, что об образе, обладающем особой ценностью для Шмелева-художника, писал выдающийся русский философ и друг писателя И. А. Ильин: «Помысл своего сердца Шмелев никогда не передает в обнаженно-рассудочном виде. Он мыслит не как мыслитель, а как нежно чувствующий художник образов <...> Обычно его мышление остается всегда художественным мышлением: он не "выговаривает" свою мысль и "не утаивает" ее (Гераклит); он ее показывает в образах <...>» [3, с. 163].

Лейтмотивными в повествовательной структуре главы «Троицын день» предстают образы берез. В начале они предстают в своем конкретном значении. Герой-ребенок отмечает обилие берез вокруг своего дома («зеленая березка», «ветки берез вьются у моего лица») [1, с. 79–86]. Постепенно, по мере приближения святого праздника, березы в восприятии Вани олицетворяются, «оживляются» («шептались листочками», «дрожит листочками», «падает тихо-тихо, будто она задумалась», «сухо звенит листочками»), обретают особые свойства – кра-

соты («красавица березка»), сочности, блеска («блестит и маслится», «листочки до того сочные»), аромата («пахнет зеленой рощей») [1, с. 79–88]. В сам праздник Троицы березы, как и вся земля, одухотворяются, освящаются Господом («благодать Господня шумит за окнами», «березки заглядывают в окна, словно хотят молиться», «святые они, божьи») [1, с. 79–88]. Береза в главе «Троицын день» занимает важное, ведущее место, выражает значение глобального образа-концепта, соотносимого с образом России – Святой Руси.

Остальные пейзажные образы также выходят за рамки ординарности, обретая особую значимость. Примечательно, что обонятельные характеристики природной образности выступают на первый план. Мотив благоухания, душистости оказывается неотделим от образов травы («душистая-ароматная»), сирени («душистая прохлада»), воздуха («благоуханный майский») [1, с. 79–88]. В результате возникает образ благословенной «живой земли», чья святость проявляется в благоухании, разлитом в самом воздухе. Как утверждал И. А. Ильин, природа у И. С. Шмелева, показанная через детское восприятие, «сияет жизнью чувства» [3, с. 165].

Образ многоцветного земного мира – один из самых характерных в главе «Троицын день». Цветовая гамма природной образности необычайно широка, она включает зеленый («зеленые березки», «деревья в нежной зелени»), белый («яблони – белые от цвета»), желтый («крупно желтеет одуванчик», «желтые бубенцы»), голубой («незабудки»), красный цвета («две весенние клубнички») [1, с. 79–88].

Мотив света и блеска («деревья в светлой зелени», «светлый орешник», «солнце слепит глаза», «большая лужа горит на солнце») [1, с. 79–88], звучащий в повествовании, воссоздает образ одухотворенной «живой земли», которую посетил Христос в день святого праздника. Ваня, семилетний герой романа, наблюдает отсвет божественного света в земной природе в

день Троицы. И в этом смысле особое значение в тексте обретает упоминание о небе, которое «упало, пришло на землю» [1, с. 87]. В художественном пространстве главы «Троицын день» образ неба развернут в символическом аспекте, осмысливается в русле мотива одухотворения земли. Господь Иисус Христос сходит в земной мир, благословляя и освящая его своим присутствием, и тогда обычный дождь становится «божьей благодатью» [1, с. 81]. В целом для художественного мира романа характерно «живое, а отнюдь не просто символическое присутствие Христа», что «придает шмелевским героям и шмелевскому космосу осмысленную духовную жизнеустойчивость» [4]. Книга «Лето Господне» прежде всего повествует «о пребывании в мире Христа» [2, с. 796].

Благословенный земной мир в праздник Троицы оказывается пронизан изобилием, красотой, цельностью, гармоничностью, когда сирень «клонит от тяжести кистями», цветы заполняют большие ведра, трава – «сочная, густая» [1, с. 79]. Страницы романа «расцветают перед нами в дивную картину» – «картину гармонии, благодарения и благословения всего сущего» [5, с. 226]. Человек забывает, но только перед святым праздником вспоминает, что «земля Ему [Господу] всякие цветочки вырастила, березки, травки всякие» [1, с. 80]. Все природное изобилие существует ради Бога и для Него, природа оказывается «полна тайны и смысла» [3, с. 166].

Мотив одухотворения земли в главе «Троицын день» романа «Лето Господне» имеет особое значение, речь идет о возвращении земного мира в свое изначальное состояние – до грехопадения первых людей. «Оживление» земли здесь связывается с идеей вызволения ее из пространства смерти, греха. Эта мысль выражена в словах Михаила Панкратовича Горкина – наставника Вани, человека «тонкого и непосредственного чувства, простеца сердца» [3, с. 167]: от грехов людей «вся земля невинная прокляна» [1, с. 80]. Христос дарует земле жизнь настоящую, возвращает ей духовную чистоту. В святой праздник мир оказывается «полон благодатного присутствия Божия» [3, с. 180].

Осознавая важность духовного события, народ начинает тщательную подготовку к приходу Бога на землю. Горкин, «русский верующий простец» [3, с. 177], так определяет суть предстоящего праздника: «Пойдет завтра Господь во Святой Троице, по всей земле и к нам пойдет» [1, с. 81]. Не случайно эти слова вложены в уста человека из народа, так как

«православие для Шмелева навсегда осталось неразрывно связано с народной душой» [6, с. 249]. Все окружающее пространство тщательно вычищается («<...> метут в четыре метлы, выметают конюшни и коровник»), приводятся в порядок «пролетка», «лесенка у конюшни», «желоба» [1, с. 79]. Образ двора не случайно поддержан эпитетами «другой», «священный», отражающих сюжетобразующий мотив одухотворения мира.

Структура образного ряда «природа» – «дом» – «храм» выстроена в едином концептуально-содержательном контексте. Хронотоп дома включает образы икон, берез, рощи («у кивота засунута березка», «езде у икон березки», «и по углам березки, в передней даже, словно не дом, а в роще», «пахнет зеленой рощей»), луговой травы («пахнет как на лужку, где косят») [1, с. 79–88]. Сопоставление дома, вбирающего сакральные предметы (иконы) и природу, является знаковым. Домашнее пространство в праздник Троицы освящается, одухотворяется наравне с природным миром. В восприятии героя-ребенка «осознание праздников входит в душу живым сильным чувством, соединяясь с приметам привычной жизни, со знанием обыденности, – и возносит все до Горнего» [2, с. 797]. Образы берез включают модель дома в контекст сакрального хронотопа. Мотив оживления проявляет себя так же, как и при описании пейзажа. В центре пространственной модели дома лежит идея возвращения жизни, отмежевание от смертной скверны греха: «<...> комната кажется мне другой, что-то живое в ней» [1, с. 85].

Обонятельные характеристики, ключевые для природной образности главы «Троицын день», особое значение обретают в эпизоде посещения Ваней храма в праздник Святой Троицы. Текст здесь маркирован уподоблением запахов, свойственных природному миру, тем, которые герой ощущает в церкви: «Пахнет зеленым лугом, размятой сырой травой», «И запах совсем особенный, какой-то густой, зеленый» [1, с. 86]. Для «художественного акта» писателя характерно «чувствование, созерцание и мышление» [3, с. 163]. В результате синестезии, сопряжения обонятельных и визуальных восприятий героя, создается уникальный художественный образ. Уподобление церкви березовой роще становится доминантным в эпизоде. Автор акцентирует мотив освящения, одухотворения земного мира, сближая образы храма, природы и дома. Церковь, как дом, двор, природный мир, духовно «оживает». Христос, пребывающий «езде» в

день Троицы, выступает живоносным началом, источником истинной жизни. И. С. Шмелев показывает «живую субстанцию России» [3, с. 180].

Не случайным представляется преобладание в цветовом обозначении образа храма зеленого цвета («зеленоватый сумрак», «зеленый запах», «в зелени лампадки») [1, с. 87]. Для Шмелева-художника свойственна особая «волевая сила», «выражающаяся в его верности предмету и в строгом символически насыщенном отборе слов и образов» [3, 180]. Символика зеленого цвета актуализирует семантику жизни и в этом смысле напрямую сближается с мотивом «оживления» земного мира. Ярче всего этот мотив нашел отражение в описании церкви – «священного сада» [1, с. 86]. Важным образом-символом в этом эпизоде выступает образ «живых ликов икон в березках» [1, с. 87]. С ним в текст вводится представление о бессмертии человеческой души. Господь Иисус Христос, победивший смерть, дарует вечную жизнь всем людям. Умершие святые не остаются в пространстве инобытия, продолжают жить в вечности и из вечности «глядят» на ныне живущих на земле людей, вместе с ними радуются наступлению праздника Троицы.

«Живыми» оказываются не только лики святых на иконах, но и образ Троицы. Образ Бога предстает в полном единении с внутренними ощущениями героя-ребенка – радостными, восторженными. В детской душе «живет ощущение и сознание личного общения с Богом, с миром святости», «он воспринимает все события церковной жизни как реальное взаимодействие человека и тех, кто приходит на землю из той жизни» [2, с. 797].

Жизнь природы в ее многообразии, многоцветии, красочности, яркости продолжена в пространстве храма, на полу которого Ваня обнаруживает «подорожник, лапку, крапивку, со сладкими белыми цветочками, манжетку, одуванчик» [1, с. 86]. Мотив радости, пронизывающий этот эпизод, соотносится с самой идеей праздника Троицы. Ребенок соединяется с Богом и ликует от счастья этой близости. Его душа «оживает» вместе с природой, домом, двором, храмом, наполняется ощущением высокого духовного значения праздника Троицы, «ощущает личное присутствие Бога» [2, с. 797] в этом событии.

Мотив «оживления» охватывает и образы Москвы, Кремля. Цветопись, использованная в их создании, ориентирована на выявление данного доминантного мотива. Ваня видит «зеленые дощечки-крыши», «зеленые огороды-коври-

ки», «зеленую Казанскую» [1, с. 83]. Выше уже отмечался особый акцент, делаемый автором на зеленом цвете, актуализирующем семантику жизни. Москва, наряду со всем земным миром, включается в сакральный хронотоп, «оживляется», одухотворяется с приходом Христа.

Мотив святости Москвы выражается в цветовой символике золотого цвета: «Золотая Москва всех лучше», «золотой куполок храма Христа Спасителя», «над ней золотые крестики» [1, с. 83–85]. К. В. Мочульский восклицал: «Такая у него [Шмелева] получилась иконописная, благолепная Москва, такая золотокупольная, многозвонная, молитвенная Святая Русь» [7, с. 323].

Сакральная составляющая образа золотого цвета ярче всего проявилась в осмыслении Москвы как центра Святой Руси. Мотив «оживления» здесь актуализирует семантику духовного возрождения всего пространства России в праздник Троицы. И. С. Шмелев, «как никакой другой русский писатель XX века, прозревает мир незримый, духовный – в земном и видимом, всегда ощущает его присутствие» [5, с. 206]. Москва в главе «Троицын день» предстает средоточием благословенной Родины автора, навсегда ушедшей в прошлое. Тема утрат, соединенная с ностальгической тональностью, в свою очередь сопрягается с мотивами духовного «оживления» России и ее святости.

В воссоздании образа Кремля цветовая символика выступает ведущим художественным средством. В его раскрытии явственно переплетается, сочетается семантика одухотворенности, возвышенности, красоты, выраженная через цветообозначения. Бело-розовая колористическая гамма («белая [башня] Спас-Наливки», «розовая Успенья Казачья», «розовый Донской монастырь» [1, с. 83]) восходит к значениям, общепринятым в христианстве. Белый цвет выражает семантику духовной чистоты, безгрешности, розовый – детства, начала жизни.

Образ Кремля оказывается соотнесен с детским мировосприятием, взгляд героя-ребенка одухотворяет, «оживляет» его. Пространство России осмысливается миром детства автора, пространством его души, ориентированном на Вечность. Запечатленный в художественном слове, образ Родины одухотворяется, «оживляется» благодарной памятью взрослого повествователя. Время Вечности очерчивает круг жизни маленького Вани, его детства. Священные страницы детских лет, картины русской природы, образы Москвы и Кремля, праздник Троицы – все предстает в контексте сакрального

хронотопа, осознается вечно живым миром, истоком духовной чистоты и красоты, первоосновой бытия. В главе «Троицын день» изображена Россия, которая «эстетически вызывается читателем Шмелева из небытия – на место “мира настоящего”» [8]. Россия И. С. Шмелева – «вечная, трансисторическая Россия» [4, с. 6].

Таким образом, в главе «Троицын день» романа И. С. Шмелева «Лето Господне» раскрывается образ «живой земли», России, на основе автобиографического материала. Автор отразил личные ощущения, воспоминания о празднике Троицы, пережитые в детстве. Чтобы выстроить текстовый хронотоп образа Родины, Шмелев-писатель прибегает к приему цветописы, символизации образно-мотивного ряда. Сюжетная модель «оживления» земного мира в святой праздник, лежащая в основе главы «Троицын день», демонстрирует преемственность христианских представлений о Господе как живоносном начале, источнике настоящей жизни. Образы природы, домашнего пространства, храма, Москвы, Кремля, хронотоп детства героя сакрализованы, включены в единый круг Вечности, бытийного существования, связываются с представлением о благословенном мире ушедшей Святой Руси.

Список литературы

1. Шмелев И. С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 4. Богомолье. Романы. Рассказы / сост. Е. А. Осьминина. М. : Русская книга, 1998. 560 с.
2. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература XVII–XX веков. М. : Издательский совет русской православной церкви, 2003. 1056 с.
3. Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин. Ремизов. Шмелев. М. : Скифы, 1991. 216 с.
4. Есаулов И. А. Иван Шмелев и потенциальный вектор пути России // И. С. Шмелев и писатели русского зарубежья. XXIV Крымские международные Шмелевские чтения, посвященные 145-летию со дня рождения И. С. Шмелева и 25-летию со дня открытия Музея писателя И. С. Шмелева (г. Алушта, 12–15 сентября 2018 г.). Симферополь : Антиква, 2020. С. 4–6. EDN: FYSHDN
5. Осьминина Е. А. Иван Шмелев – известный и скрытый // Москва. 1991. № 4. С. 204–207.
6. Любомудров А. М. Богоищущая душа // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл. А. М. Любомудрова. М. : Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.
7. Мочульский К. В. <Рецензия> Ив. Шмелев. «Лето Господне. Праздники» // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания / сост., предисл. А. М. Любомудрова. М. : Сибирская Благовонница, 2009. С. 322–324.
8. Есаулов И. А. Проблема изучения контекста в поэтике Шмелева // Крымские Международные шмелевские чтения / РАН. Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Алуштинский литературно-мемориальный музей С. Н. Сергеева-Ценского, Алуштинский музей И. С. Шмелева. Алушта : [Б.и.], 2007. С. 187–196. URL: <https://transformations.russian-literature.com/node/8> (дата обращения: 06.11.2022).

Поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 12.05.2023
The article was submitted 07.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 12.05.2023